

Нехама Иоановна Вайсман опубликовала в «Приамурье-97» главу из автобиографической повести — о юности, проведенной в гетто, на оккупированной фашистами Украине. Она автор книги об Амурском театре драмы «На сцене — человеческие сердца, в зале — человеческие сердца», школьного учебника зарубежной литературы, многих научных работ, учебных пособий, газетных публикаций и выступлений по радио.

А впрочем, Анну Ивановну — как ее все в обиходе называют — особенно представлять не надо: ее ученики живут и работают по всей области и за ее пределами. Причем среди этих учеников — уйма пишущего народу: ведь многие из амурских литераторов окончили Благовещенский педуниверситет. Так что можно сказать, что она — профессор нашего амурского, некоторым образом, *литинститута*.

А начиналась ее жизнь и работа на Амуре как раз в те годы, когда начиналась и биография нашего альманаха.

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ПЯТИДЕСЯТЫЕ

(Отрывок из автобиографической повести)

Стою у окна вагона. Мелькают один за одним пейзажи необъятной России. Свадебное путешествие? И да, и нет. Вышла замуж и еду на новое место жительства. Уговорил: Благовещенск на параллели Киева. Но не только поэтому. Со школьных лет пленил роман «Мужество» В. Кетлинской. Романтика Дальнего Востока.

Мне уже 25. Позади — золотое детство, незабываемые школьные годы, ужасы оккупации, едва не оборвавшие жизнь на взлете, освобождение, Победа, Киевский университет, работа в педучилище города Немирова, прощальные слезы учеников...

Рядом у окна — мой муж, Михаил Григорьевич Перельман, бывший соученик, ныне начальник погранзаставы на Амуре. Один из четырех, оставшихся в пекле войны живым, а было в нашем классе 26 мальчишек, и среди погибших — моя первая любовь Дима Чекайда...

С удивлением смотрю на срубы темных домов: у нас на Украине стояли расписные хаты-мазанки в тени вишневых садов, окруженные мальвами...

Едем долго, кончается уже вторая неделя. Вдруг муж говорит: «Сейчас будет Ерофей Павлович!». Молчу, как бы впросак не попасть: кто это — знакомый? Поражают странные названия: Сковородино, Могоча, Магдагачи. Ну когда же, наконец? Кто-то знакомит меня с поговоркой: «На Дальнем Востоке сто грамм — не выпивка, сто километров — не расстояние, сто рублей — не деньги, цветы — без запаха и женщины — без любви». Юмор юмором, но в каждой шутке ведь есть доля правды?

Наконец! Островерхая крыша вокзала. Приехали! Площадь привокзальная и домики, домики — срубы с деревянными кружевами, деревянные тротуары, и пыль, пыль, пыль, облаками поднимающаяся за идущим транспортом.

Поразил навсегда мое воображение большой голубой автобус с мятыми боками, единственный на ту пору. А было это 4 апреля 1950 года.

Пограничный катер ждал нас на берегу Зеи. Быстро рассекая воду реки, катер добрался до Худина.

Поселились мы на нефтебазе, в маленькой комнатухе. Помещение для начальника заставы и его заместителя было построено позже. Полдеревни собралось в гостеприимном доме одного из старожилов устроить «смотрины». Много снеди, напитков, среди которых *узвар* — так, по-украински, хозяева называли компот. Пели украинские песни, согревшие мою душу. И все же, когда возвратились в свою комнатуху, я разрыдалась. Где я здесь буду работать? В Худино не было даже начальной школы. Школьников на пароме перевозили в город.

Утро вечера мудренее. Муж перевез меня на том же катере в город и указал путь в институт. По дороге встретила огромную кучу поваленного кирпича: еще рвали динамитом Шадринский собор...

Увидев мой диплом с отличием, замдиректора по заочному обучению спросил, смогу ли я прочесть курсы зарубежной литературы. Отчаянно смелая тогда, я кивнула

головой. Во имя работы готова была согласиться на скоростную подготовку любого курса литературы. И вот, начав с 15 июня, я в течение месяца прочитала все курсы истории зарубежной литературы — от античной до новейшей. Знания были свежими, все годы учебы не получала других оценок, кроме пятерок, и потому, наверное, мои лекции пришлись по вкусу разновозрастным заочникам тех, теперь уже далеких лет.

Среди студентов было немало демобилизованных из армии, особенно на историческом факультете. Конечно, окончив русское отделение университета и страстно любя русскую поэзию, я мечтала преподавать русскую литературу, но Вера Владимировна Вормс-Иванова, высокообразованная, очень эмоциональная и приветливая женщина, до меня читавшая курсы мировой литературы, убедила меня, что их чтение принесет мне много радости.

Так и случилось. И все же в течение 1950-х годов мне довелось вести курсы и фольклора, и древнерусской литературы, и русской литературы XX века. Работая на одну ассистентскую зарплату, я выдавала фактически часов на полторы ставки, иногда и голос теряла, но была счастлива, что работаю, что могу помогать старикам-родителям (на свою первую летнюю зарплату купила им путевки на лечение). А когда, после смерти свекра, мать мужа звала нас переехать во Львов, я сказала мужу: «Отсюда я уже никуда не поеду».

Полвека отдала я Благовещенскому педагогическому институту, который стал мне родным. Боже! Какое счастье, когда тебя любят твои воспитанники. По сей день я на каждого из них смотрю, как на своих детей. Дети бывают разные — плохие и хорошие, лентяи и труженики, но ведь своих детей мы все равно любим. Меня и сегодня интересуют судьбы учеников, готова помочь каждому, мой дом для них открыт всегда.

Я могу даже упрекнуть себя в том, что своим родным сыновьям уделяла гораздо меньше внимания. Все время и силы поглощала работа. Помню, как после рождения старшего сына поселилась в общежитии и бегала его кормить во время переменок. Он сосал грудь, я дописывала какой-нибудь конспект, а услышав звонок, отрывала ребенка от груди, передавала его няне и вновь мчалась к своим студентам. Они-то и помогли мне однажды спасти его, двухлетнего, едва не вывалившегося из окна второго этажа...

Помню, после лекции меня, как всегда, провожала в общежитие стайка девочек-студенток. И вдруг, подняв глаза на почему-то открытое окно своей 26-й комнаты, я обомлела: мой малыш сидит на подоконнике и, видя приближающуюся маму, улыбается и тянется ко мне, — а сзади никого нет!.. Боже, еще минута — и он выпадет!.. Помертвевшими губами едва шепчу своим спутницам: «Бегите, умоляю, схватите его, второй этаж, 26-я комната...» Они помчались, а я, улыбаясь, едва удерживаясь, чтобы не разрыдаться, веду беседу: «Ленечка, Ленечка! Сейчас я поднимусь, и мы пойдем гулять, солнышко мое!..». Никогда

не забуду спасительниц моего сына.

Амурская земля многонациональна. Среди учащихся были русские и украинцы, якуты и буряты, белорусы и армяне (может быть, были и евреи, но я не помню). Все они были моими духовными детьми, и я старалась достучаться до каждого сердца: читала стихи, пела, желая напомнить какую-либо арию или увертюру, связанную с литературой, могла, изображая, передать своеобразие игры любимых актеров в спектаклях по изучаемым нами пьесам - делала все, чтобы зажечь их души.

Мне кажется, что это мне удавалось. Когда мою лекцию однажды посетила любимая и очень уважаемая мной, ныне покойная, Валентина Васильевна Соколова, блестяще читавшая курс русской литературы 19-го века, она сказала удивленно: «Анна Ивановна, вас надолго не хватит так эмоционально читать!».

Хватило. Ибо моей задачей было не «отхватить» аплодисменты, но пробиться к сердцам своих воспитанников. Я многое пережила в своей жизни. Меня расстреливали, я каждый день в оккупации ждала смерти, носила шестиконечную звезду, чтобы по этому «позорному» знаку каждый мог определить, что я «жидовка». И я знала, что, если останусь жить, буду делать все, чтобы страшное прошлое не повторилось, что буду воспитывать молодое поколение в духе интернационализма, любви ко всем народам и ненависти к расизму, геноциду и всей человеконенавистнической идеологии фашизма.

Мне хочется верить, что моя работа не прошла даром, что идеи гуманизма, равенства, братства людей входили в сердца моих воспитанников навсегда.

Я горжусь тем, что в школах Приамурья работают сотни литераторов, закончивших наш вуз. Среди них немало заслуженных учителей, отличников народного образования, таких как Д.П. Агудина, В.Д. Акимова, Г.К. Алексеева, О.И. Косилова, И.В. Королькова.

Я счастлива, что почти во всех средствах массовой информации работали и работают наши выпускники, создающие острые публицистические статьи и передачи, редактирующие книги и статьи (А.Токмакова, С. Демидов, А. Филоненко, О. Мамонтова, Н. Шумакова, В. Будаи), а на радио и телевидении - дважды мои питомцы, которых я обучала и в студии художественного слова (А. Герасимов, В. Морозов, А. Крючков, заслуженная артистка России Р. Голощапова, И. Веклич), и многие другие.

Наш факультет выпустил творчески одаренных питомцев, пополнивших ряды Союза писателей (лауреат Государственной премии писатель В. Закруткин, поэты И. Еремин, И. Игнатенко, Н. Дьякова, прозаик В. Лецик).

Кто мне особенно запал в душу в те далекие 50-е годы? Одних запомнила на экзаменах, других - по манере вести себя, третьих - как они умели слушать. Хотя слушать тогда умели все, ловили каждое слово: учебников было мизерное количество, конспекты писали все от звонка до звонка. Одеты были очень скромно. Не удивительно - послевоенные трудные годы.

Помню Нину Попову (теперь профессор Нина Петровна Шенкевец). Идет экзамен по античной литературе. Я «пытаю» каждого. Экзамен затянулся за полночь. Она стоит в темной спортивной футболочке и отвечает на десятки дополнительных вопросов. Умница! «Пять!»! Вспоминаю студента-историка Сашу Борозняка. Не слышала я, кажется, за все годы такого блестящего анализа творчества Гейне, который он провел на экзамене. Нынче он доктор исторических наук. Запомнился и такой эпизод. Звонок, вхожу к второкурсникам исторического факультета. Тянется рука: «Можно выйти?» - «Белоглазов, ведь только прозвенел звонок! Ну, выходи...». Танцующей походкой он продефилировал мимо стола... Через 30 лет он, уже заслуженный работник культуры РСФСР, создатель прославленного ансамбля «Ровесники», признался: хотел произвести впечатление.

Закрою глаза - и как сейчас вижу весь выпускной курс 1956 года, с которым у меня осталась нерасторжимая связь через все десятилетия. В большой аудитории

парты теснились так, что кафедра была придвинута к стене, и я предпочитала сидеть на подоконнике (за что меня «склоняли» в деканате). А на партах - тоненькая поэтичная Наташа Демидова, темноглазая Алла Тарасенкова, смешливая рыженькая Людмила Сенотрусова, голубоглазая Нина Соляник, будущий директор школы Саша Гранин, степенный Иван Полтавцев, не знающий еще тогда, что станет заведующим Благовещенским горно и подарит институту свою дочь и внучку, которых мне тоже довелось учить.

А еще я навсегда запомнила ужасный мартовский день 1953 года, оповестивший о смерти Сталина. Я зашла в аудиторию и не могла начать говорить из-за душивших меня слез. Вместе со мной рыдал весь курс. Его смерть потрясла нас всех.

Я приняла решение вступить в партию и посвятить свою жизнь служению великим идеалам, за которые Он отдал свою. Но в райкоме узнали, что моя мать вела переписку со своей старшей сестрой, еще в 1904 году уехавшей за границу, и мою кандидатуру отвели. Беременная уже вторым сыном, я заболела от страшного нервного потрясения, у меня пропадет молоко, все это отразится на малыше...

Это был не единственный удар, полученный за все эти годы, но я всегда находила в себе силы переступить через обиды. Главным для меня оставалась работа, желание увеличить толику добра в мире. И я продолжала идти в строю, выполняя десятки общественных дел. Когда в 1980 году была избрана депутатом областного Совета народных депутатов, у меня было 13 общественных поручений. Двадцать лет была председателем научно-методического совета по литературе и искусству областной организации общества «Знание», членом женсовета «Красная гвоздика» Ленинского района, членом художественного совета областного театра драмы, не говоря о многочисленных поручениях в стенах самого вуза... В течение 10 лет, будучи депутатом четырех созывов, неизменно оставалась секретарем постоянной комиссии по народному образованию, выполняла абсолютно все указы избирателей и на хлопкопрядильной фабрике, и в институтском округе.

Мне хотелось охватить с самого начала как можно большее количество слушателей. С 1954 года стала регулярно вести радиопередачи по искусству и литературе; с 1952-го стала внештатным корреспондентом «Амурской правды» и «Амурского комсомольца»; выступала постоянно с лекциями на производствах, в воинских частях, в учебных заведениях; в журнале «Политический собеседник» вела раздел «Вечно живые голоса».

Как я справлялась со всем этим? Сейчас мне даже трудно представить. Но именно благодаря этому мои сыновья рано поняли, как надо жить, - в полный разворот своих сил, помогать мне по дому, учиться на пятерки, много читать, быть самостоятельными.

В 1956-м, когда младшему было всего два года, я начала готовиться к сдаче кандидатского экзамена по философии. Дети играли возле меня в парке над Амуром, я читала Маркса и вдруг, подняв голову, обнаружила пропажу своего малыша. Ни обращение к дежурному милиционеру, ни объявление по громкоговорителю ничего не дали. Никто не видел ребенка в красных трусиках. Боже! Неужели он утонул? Помчалась домой. А он сидит на веранде: «Мне стало скучно, и я пошел домой». Отмахал несколько кварталов... Так они и пошли каждый своей дорогой, не спотыкаясь, оставаясь до сего дня честными, добрыми, трудолюбивыми людьми.

Но опять память возвращает меня к началу 50-х. Первое время я совершала ежедневные путешествия на пароме через Зею в город. Жизнь на заставе была для меня полна тайн. Я никогда не переступала порога канцелярии мужа, дежурившего по ночам, общаясь в основном с женой его заместителя. Ребята-пограничники, несмотря на молодость, все были молчаливы и дисциплинированы. Мне хотелось чем-то помочь им, разнообразить их жизнь.

Помню, как к 1 Мая 1950 года попросила разрешения приготовить для них праздничный обед из продуктов, имеющих на складе. Состряпала две сотни котлет, которыми повар никогда солдат не баловал. Домашняя пища пришлась им по вкусу, и я была просто счастлива от совершенного «подвига».

Нас окружала прекрасная природа: ивовые заросли, свежайший воздух, цветы, близость реки, романтика пограничья. На большой поляне стояли скамьи, перед ними был натянут белый полотняный экран. В выходные, когда смеркалось, смотрели фильмы.

Ожидая первенца, я вынуждена была переехать осенью в город, в общежитие, но перед октябрьскими праздниками муж попросил вернуться на заставу.

Никогда не забуду этой поездки через Зею во время начавшейся ноябрьской шуги на знакомом мне катере. Огромные льдины трутся со скрежетом о бортики нашего утлого, хотя и металлического челна. Я судорожно защищаю руками драгоценную ношу живота и, бледнея и вздрагивая, говорю мужу: «Боже, мы же можем погибнуть!.. А если нас раздавит?» Невозмутимый пограничник (еще в школьные годы — мы жили тогда над Днестром, на западной границе, — он был в группе содействия пограничникам), фаталист по своей натуре, он спокойно отвечает: «Ну так что, мы все вместе погибнем...»

Немало страхов натерпелась я и после того, как в январе 1951 года родился сын. То одно у него заболит, то другое. Врача в Худино не было, приходилось ехать в город, а во время весенней шуги, отрезавшей нас от «цивилизованного» мира, прибегать к собственным скудным познаниям в педиатрии, почерпнутым из книги «Мать и дитя», или обращаться к бабушкам, — правда, к ним я поначалу относилась очень настороженно, хотя они-то и помогали.

Но однажды мне показалось, что я теряю своего первенца.

Как-то, баюкая его в теплом пуховом конверте-подушке, подаренном моей матерью, я влетела с ним в открытый солдатами погреб. Нестерпимая боль пронзила голень правой ноги, ударившейся об острое ребро оструганной доски. Я закричала — и уже через мгновение осознала, что не слышу крика ребенка... «Боже! Что с ним? Почему он не кричит?» А он... продолжал тихо посапывать в своем конверте, даже не проснувшись.

Мне всегда казалось, да и теперь кажется, что какие-то силы небесные хранили меня, — а дети ведь тоже частицы нашего естества.

А время было крутое. Декретные отпуска измерялись не годами, а неделями. У меня сохранился черновик моего заявления на имя ректора: «...прошу считать меня вернувшейся из очередного послеродового отпуска» 14 февраля 1954 года — а родился-то второй сынок 14 января. Всего месяц. Я не была исключением. В таком бешеном ритме работало все наше поколение. Я не хотела оставлять работу ни на один день.

После демобилизации мужа в 1953 году нас попросили выехать с заставы. В общежитии места не дали, и только после обращения к депутату погранотряд выделил в Благовещенске комнату, перегородженную фанерными перегородками, с замерзающими стенами. Ректор Ф.А. Цвид, к которому я обратилась, вынес резюме: «Вы плохие хозяева, не можете сделать нормальной завалинки».

Я с детьми периодически хворала, но работы не оставляла. Без нее не было для меня, как и сейчас, смысла жизни. Ни бездушие начальства, ни отсутствие надежды получить нормальное жилье не могли остановить моего стремления работать и одновременно развивать научные интересы.

Не могу забыть день, когда узнала о поступлении в аспирантуру одной из наших выпускниц (это было в конце 50-х годов; я сдала к этому времени уже все кандидатские экзамены). Заливаясь слезами, сообщила эту новость мужу.

— Почему же ты плачешь?

Здание Благовещенского пединститута. Снимок сделан в 1910-е годы, когда это была еще мужская гимназия. Однако таким — трехэтажным — здание оставалось до пожара 1960 года.

1952 год. В зарослях заставы с сыном Ленечкой.

Строительство дамбы на набережной реки Амур во время новодония. г. Благовещенск. 25.07.1958 г.

Мы тоже строим дамбу. (Е.В. Журбенко и Н.И. Вайсман).

Заседание кафедры литературы. В.В. Соколова (справа) и Н.И. Вайсман. 1958 год.

— Мне уже тридцать пять лет!

— Но тебе же еще не тридцать шесть, — невозмутимо ответил он.

— А дети?

— Я их беру на себя.

Не могу сказать, что моя семейная жизнь была гладкой. Я мало заботилась о ее гармонизации, отдавая все работе. Но теперь, на склоне лет, сознаю: несмотря на все мои обиды, именно муж помог мне тогда обрести новое дыхание, сдать вступительные экзамены, преодолеть конкурс (19 человек на одно место), стать аспиранткой головного пединститута страны — Ленинского. А потом — защитить диссертацию и, не останавливаясь на достигнутом, продолжать создавать все новые и новые работы, среди которых немало пособий для учителей не только нашей области.

В 50-е годы нас, преподавателей, было в институте всего человек шестьдесят. Работая на разных факультетах, мы, тем не менее, хорошо знали друг друга, встречаясь в большой уютной преподавательской.

Возглавлял тогда наш вуз человек кристально чистой души, прекрасный биолог и орнитолог Леонид Михайлович Баранчев, очень бережно и внимательно относившийся к людям. У нас за последние 50 лет было много ректоров, умных, деятельных, но такого безукоризненно человека я больше вспомнить не могу. К сожалению, тяжелый меч сталинского времени, о котором мы узнали уже после XX съезда партии, обрушился и на жизнь Леонида Михайловича. Его обвинили в увлечении буржуазной лженаукой — генетикой и в конце концов довели до инфаркта, после которого он уже не оправился. Светлая ему память. Увы! Система доносов, царившая и в нашем вузе, была характерна для того времени.

Кафедрой литературы заведовал в начале 50-х выпускник нашего вуза 1945 года Николай Емельянович Тополь. Отличник народного просвещения, человек высокой культуры, всегда подтянутый, строгий, он требовательно относился к себе и другим.

На кафедре работали и другие выпускники: отличники БГПИ Валентина Васильевна Соколова (1945), Екатерина Васильевна Журбенко (1949), жена ректора, успешно читавшая долгие годы курсы древней русской литературы, русской литературы 18-го века и фольклора.

Замечательный педагог, строгая и вместе с тем очень доброжелательно относившаяся к студентам и преподавателям, Валентина Васильевна Соколова вела литературный кружок, который посещали будущие амурские поэты Игорь Еремин, Игорь Игнатенко, Станислав Демидов. В созданном ею альбоме «Поэзия молодых» можно познакомиться с первыми пробами пера тех, кто впоследствии связал свою жизнь с литературой или журналистикой (кандидат филологических наук, профессор Николай Недельский, журналист Александр Филоненко).

Много сил отдала она изучению литературы родного края, защитила диссертацию о творчестве дальневосточного поэта Петра Комарова, исследовала творчество Т.М. Борисова.

Кафедра пополнилась в 50-е годы выпускниками других вузов: Днепропетровского (А.Г. Розин), Московского (В.Т. Яшина), Калининского (А.В. Лосев), Томского (М.С. Тарасова-Юсупова), Иркутского (Б.А. Лебедев). Поньше поражает своей феноменальной памятью и глубокими знаниями Анатолий Васильевич Лосев. Возглавив кафедру в 1956 году, он, защитивший в 1958 году диссертацию по творчеству В. Шишкова, немало сделал для изучения литературы Сибири и Дальнего Востока: вел спецкурс по литературе края, рецензировал сборники молодых поэтов, издал аннотированный указатель «Приамурье в художественной литературе», руководил молодой научной порослью кафедры. Все его подопечные впоследствии защитили кандидатские диссертации (Д.С. Герасименко, Г.П. Аникина, Т.Д. Белова, Г.П. Курочкина, О.Н. Щербань).

Светлую память о себе среди студентов и преподавателей оставил участник Великой Отечественной войны

Борис Афанасьевич Лебедев, человек открытой души и доброго сердца, защитивший в конце 60-х кандидатскую диссертацию «Литературное Забайкалье предоктябрьской поры».

Проблеме литературной критики Сибири посвятила свою диссертационную работу М.С. Юсупова (начало 70-х).

Интерес к краеведческой тематике не угас и в последующие десятилетия (работы Б.В. Блохина, В.М. Калиты). Мои интересы в области краеведения и сегодня находятся на стыке литературы и искусства, хотя диссертацию я защитила по творчеству английского писателя А. Дж. Кронина. Влюбленная с детства в театр, я написала книгу о творческой истории Амурского театра драмы («На сцене — человеческие сердца, в зале — человеческие сердца»), посвятив театру и многие статьи.

Добрим словом вспоминаются многие преподаватели, находившиеся в 50-е годы в расцвете своих творческих сил. Среди них высококультурный, строгий и выдержанный Н.К. Шульман, неутомимый путешественник, оставивший яркий след в изучении географии не только нашей области; математики Я.С. Бугров и С.Г. Бугрименко; замечательные лингвисты — профессора К.А. Тимофеев и И.П. Распопов, декан А.В. Прокопчик.

Радостно встречаешь и сегодня в коридорах и кабинетах института энергичную, бескомпромиссную, всегда увлеченную В.М. Брысину, отдавшую вузу 48 лет жизни. Не забыть и такую колоритную фигуру, как Д.И. Кондрашова.

Навечно вписали себя в анналы института профессора кафедры истории В.П. Малышев, Е.П. Сычевский, доценты Л.П. Малыхина, Н.А. Обетковский. Вспоминаются и такие преподаватели-историки 50-х годов, как А.С. Силин, А.Г. Мякшин, К.А. Малахова.

В 50-е годы произошло рождение факультета иностранных языков, на котором мне довелось несколько лет читать курсы литературы Англии и Германии. Пленили меня своими знаниями и культурой общения молодые тогда посланцы центральных вузов страны — Дина Сергеевна Лазарева. Галина Викторовна Грачева, которая оказалась мне ближе всех по духу и миропониманию и с которой меня связывает многолетняя дружба, хотя теперь нас отделяют тысячи километров. Навсегда осталась в памяти Ирина Николаевна Кацаурова, участница войны, отдававшая всю себя, невзирая на тяжелое заболевание, любимой работе преподавателя кафедры немецкого языка, на которой в те годы работали И.М. Альтман-Гриценко, Я.В. Генин, Т.И. Токмакова. Глубоки были знания «англичан» — Ю.А. Скребнева, блестяще защитившего впоследствии докторскую диссертацию, А.Я. Охотниковой, Л.И. Обетковской, Г.Д. Лештаевой.

Из географов и биологов тех лет вспоминаю чаще других ушедших уже от нас, очень душевных и приветливых В.Ф. Ефремова и Г.А. Каратаева; всеми любимого и сегодня находящегося в строю участника трех парадов Победы Г.А. Груздева — гордости нашего института.

Недавно ушла от нас прекрасная женщина, воплотившая в себе лучшие черты русского характера — прямоту, искренность, честность, — преподаватель химии Екатерина Петровна Андреева.

Как живой, встает в памяти руководитель нашей прославленной оперной студии талантливейший Николай Иванович Темников, поставивший на институтской сцене и «Демона» Рубинштейна, и «Снегурочку» Римского-Корсакова, и «Евгения Онегина» Чайковского силами наших студенческих талантов, таких как Г.Ф. Аленишкин, М.И. Семенец и др.

Жизнь в общежитии позволила мне лучше узнать и оценить таких замечательных преподавателей, как профессор философии Иван Яковлевич Дьяков, преподаватель спортивных дисциплин Н.С. Спиридонова (Ломакина), преподаватель педагогики Валентина Васильевна Терлецкая (Соколова), великая труженица и честнейший человек, чья жизнь трагически оборвалась.

До глубины сердца потряс меня рыцарский поступок физика Н.К. Кармена, спасшего моего сынишку во время

начавшегося пожара. А было это так. Я иду по коридору второго этажа общежития, насвистываю (дурная привычка) — и вдруг из разных комнат выбегают соседи, успокаивают: «Ну все уже хорошо, не волнуйтесь, ваш сынок в двадцать седьмой комнате...» А в моей — темно, удушливый запах горелой бумаги, слышится приглушенный плач няни Ефимовны, — с трудом успокоила. Оказывается: свет погас, ребенок потянулся к зажженной свече, няня отбросила загоревшуюся дудочку, запылали шторы, огонь перекинулся на книги, лежавшие на подоконнике... Сосед вынес ребенка и, схватив одеяло, сбил огонь... Благодарю его, Господи, где бы он ни находился сейчас.

Мне дорога память всех этих преподавателей, честно отдававших все силы обучению подрастающего поколения. Их труд не прошел даром. Наш факультет вырастил таких одаренных молодых преподавателей, защитивших свои диссертации, как академик А.П. Деревянко, профессора Б.С. Сапунов, Н.А. Шиндялов, Н.П. Шенкевец, А.И. Донченко, Е.И. Деревянко, А.И. Мазин, Ю.Р. Вишневский, В.М. Ступников, А.И. Клинков, Ю.В. Малиновский, А.П. Забияко, А.А. Сидоренко, О.Н. Бархатова, доценты Г.Ф. и Л.А. Аленишкины, Ю.А. Лысов, Д.П. Болотин, А.А. Ромас, Н.А. Шахова, Т.И. Петренко, И.Е. Федорова, Л.В. Кирпикова, О.Ю. Галуза, З.И. Слыхова, Т.В. Назарова, Л.В. Лебедева, А.В. Урманов, Р.Ф. Гарват, Б.В. Блохин, В.М. Калинта, Е.Г. Чернышева, В.В. Городецкая. При этом на кафедре литературы было подготовлено более 20 кандидатов наук, из которых двое защитили уже свои докторские диссертации.

Нельзя не вспомнить и тяжкий период конца 50-х — начала 60-х годов, когда вместе со всеми гражданами города все наши преподаватели участвовали в спасении города от наводнения в 1958-м, возводили дамбу, а в 1960-м пережили трудности нового стихийного бедствия: во время пожара института погиб и наш замечательный кабинет литературы, насчитывавший сотни томов, бережно хранимых в свое время нашим высокообразованным лаборантом-филологом Юрием Михайловичем Толкачевым.

Хочется вспомнить и свои первые шаги в журналистике. В 1952 году, побывав на концерте грузинского певца, народного артиста Амираншвили, переполненная чувством восхищения, я написала свою первую рецензию и отнесла в «Амурскую правду». Встретил меня жизнерадостный и приветливый зав. отделом информации Абрам Григорьевич Ривлин. Он был не только наставник молодых журналистов, но и талантливый композитор, писавший музыку на слова амурских поэтов, в том числе на стихи Леонида Завальнюка, служившего тогда в армии.

В том же году, в день моего рождения, 28 января, на городскую заставу, где тогда служил мой муж, пришли поздравить меня мои сокурсники по Киевскому университету М.Л. Гофман, редактор Амурского книжного издательства, его жена В.Л. Фраер, долгие годы впоследствии возглавлявшая кафедру французского языка, и знакомый мне третий гость — молоденький сероглазый солдат. Так я познакомилась с поэтом Леонидом Заваль-

Автор среди участников Великой Отечественной войны.

Начало 1990-х. Руководитель студии художественного слова Н.И. Вайсман со своими самодельными артистами.

Студент Лёня Терентьев (будущий лауреат Всесоюзного фестиваля народного творчества) репетирует отрывок из поэмы Е. Евтушенко «Просека».

нюком, который посвятил немало прекрасных стихов Приамурью и которого я много раз приглашала потом на встречи с нашими питомцами.

Огромную роль в моей жизни тех лет сыграл Амурский театр драмы, главным режиссером которого был в те годы незабвенный Николай Иванович Уралов, — его именем назван переулок вблизи театра, ведущий к Амуру. Влюбленная в театр с детства, я не пропустила, кажется, ни одного из спектаклей тех лет, постоянно их рецензируя, была включена в художественный совет театра, которому в 1991 году подарила свою книгу о его творческой истории. Немало бесед провела я с Ураловым, человеком необыкновенного таланта и художественного чутья, и была счастлива, когда наши мнения совпадали.

Знала я хорошо и молодых приехавших театральные режиссеры Л. Футлика и Н. Вознесенского, позднее — С. Васильева. Очень много сделал для театра, став его директором, художник Н.Ф. Стародуб. Из актеров ближе всех мне стали Виктор Ростовцев (ныне народный артист России), Т. Кривенко, заслуженные артисты России О. Высоцкая, позже Ф. Суприн, Т. Азарнова, А. Лаптева, Р. Фазлеев, заслуженный работник культуры Д. Шубинский.

Уже тогда я начала руководить студией художественного слова в институте, поставив за 50 лет множество литературных вечеров и инсценировок. Выпускники студии не раз побеждали на конкурсах, а двое из них стали лауреатами и дипломантами Всесоюзного фестиваля народного творчества.

Листая страницы своей памяти, не могу не вспомнить и свое боевое крещение на радио, ставшее моим вторым родным домом. Говорить с аудиторией, которая меня не видит, но стараться передать ей каждое биение своего сердца при чтении стихов, прозы, литературных передач — это большое творческое наслаждение. Сколько знакомых незнакомцев — слушателей — у меня появилось. Свои теплые отзывы они шлют в радиокomitee, и это меня греет и радует, ведь радио доносит добрые мысли во все уголки нашей прекрасной Амурской земли! Да будет она благословенна! Я ей отдавала и отдаю все свое сердце.

Не об этом ли — быть всегда с людьми, без различия национальности, возраста, профессии, — мечтала я, вырвавшись из смертельного фашистского рабства?

— Я счастлива! — сказала я на своем 75-летнем юбилее, куда меня пришли поздравить выпускники всех 50 лет.

— Да, — повторяю я и сегодня, невзирая на то, что получала в своей жизни немало ударов. — Главное — это жизнь, главное — быть нужной людям!